

Ф. Дзержинский – о телесных наказаниях. Теперь я хочу написать немного о детках ваших. Они так милы, как все дети; они невинны, когда совершают зло или добро; они поступают согласно своим желаниям, поступают так, как любят, как чувствуют, – в них нет еще фальши. Розга, чрезмерная строгость и слепая дисциплина – это проклятые учителя для детей. Розга и чрезмерная строгость учат их лицемерию и фальши, учат чувствовать и желать одно, а говорить и делать другое из-за страха.

Розга, чрезмерная строгость и телесные наказания никогда не могут желательным образом затронуть сердце и совесть ребенка, ибо для детских умов они всегда останутся насилием со стороны более сильного и привьют либо упрямство, даже тогда, когда ребенок осознает, что он поступил плохо, либо убийственную трусость и фальшь...

Исправить может только такое средство, которое заставит виновного осознать, что он поступил плохо, что надо жить и поступать иначе. Тогда он постарается не совершать больше зла; розга же действует лишь короткое время; когда дети подрастают и перестают бояться ее, вместе с ней исчезает и совесть, и дети становятся испорченными, лжецами, которых каждый встречный может толкнуть на путь испорченности, разврата, ибо розги, физического наказания они боятся не будут, а совесть их будет молчать.

Не бейте своих ребят. Пусть вас удержит от этого ваша любовь к ним, и помните, что хотя с розгой меньше забот при воспитании детей, когда они еще маленькие и беззащитные, но когда они подрастут, вы не дождетесь от них радости, любви, так как телесными наказаниями и чрезмерной строгостью вы искалечите их души. Ни разу нельзя их ударить, ибо ум и сердце ребенка настолько впечатлительны и восприимчивы, что даже всякая мелочь оставляет в них след. А если когда-нибудь случится, что из своего нетерпения, которое не сумеешь сдержать, из-за забот со столькими детьми или из-за раздражения ты накажешь их, крикнешь на них, ударишь, то непременно извинись потом перед ними, приласкай их, покажи им сейчас же, дай почувствовать их сердечкам твою

материнскую любовь к ним, согрей их, дай им сама утешение в их боли и стыде, чтобы стереть все следы твоего раздражения, убийственного для них.

Л. Толстой – о подражании в семье. Воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем. Воздействовать же на сердце можно только гипнотизацией, которой так подлежат дети, – гипнотизацией, заразительностью примера. Ребенок увидит, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю других делать то, что сам могу сделать, что я потворствую своей жадности, похотям, что я избегаю труда для других и ищу только удовольствия, что я горжусь и тщеславлюсь своим положением, говорю про других злое, говорю за глаза не то, что говорю в глаза, притворяюсь, что верю тому, во что не верю, и тысячи и тысячи таких поступков или поступков обратных: кротости, смирения, трудолюбия, самопожертвования, воздержания, правдивости, – и заражается тем или другим во сто раз сильнее, чем самыми красноречивыми и разумными поучениями. И потому все или 0,999 воспитания сводится к примеру, к исправлению, совершенствованию своей жизни.

Так что то, с чего вы начинали внутри себя, когда мечтали об идеале, то есть о добре, достижение которого несомненно только в себе, – к тому самому вы приведены теперь при воспитании детей извне. То, чего вы хотели для себя, хорошенько не зная зачем, то теперь вам уже необходимо, нужно для того, чтобы не развратить детей.

Совершенно возможно то, чтобы не быть самому участником в развращении детей (и в этом не может помешать ни жене муж, ни мужу жена), а всю свою жизнь по мере сил своих воздействовать на них, заражая их примером добра.

И. Песталоцци – о материнской любви. Просвещенная и рассудительная мать живет для ребенка, служа его любви, а не его капризам и его по-животному возбуждаемому и поддерживаемому эгоизму. Природосообразная заботливость, с которой мать охраняет покой ребенка, не способна раздражать его чувственность, она может лишь удовлетворить его физические потребности. Эта природосообразная материнская заботливость, хотя она и живет в матери в виде инстинкта, все же находится в гармонии с запросами ее ума и сердца. Она

опирается на ум и сердце и лишь вызвана к жизни в виде инстинкта, следовательно, ни в коем случае не является результатом подчинения наиболее благородных, самых высоких задатков матери чувственным вожделениям ее плоти и крови, а есть результат устремлений ее ума и сердца. Кому доверяет мать, тому доверяет и дитя. Даже если мать скажет о чужом человеке, которого ребенок еще никогда не видел: «Он любит тебя, ты должен ему доверять, он хороший человек, подай ему ручку», – то ребенок улыбнется ему и охотно протянет свою невинную ручонку. И если мать скажет ему: «Далеко-далеко отсюда у тебя есть дедушка, и он тебя любит», – то ребенок этому поверит, охотно станет говорить с матерью о нем, поверит в то, что дедушка его любит.